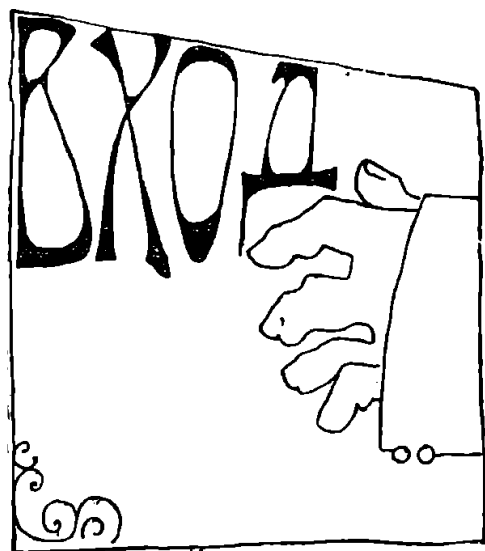
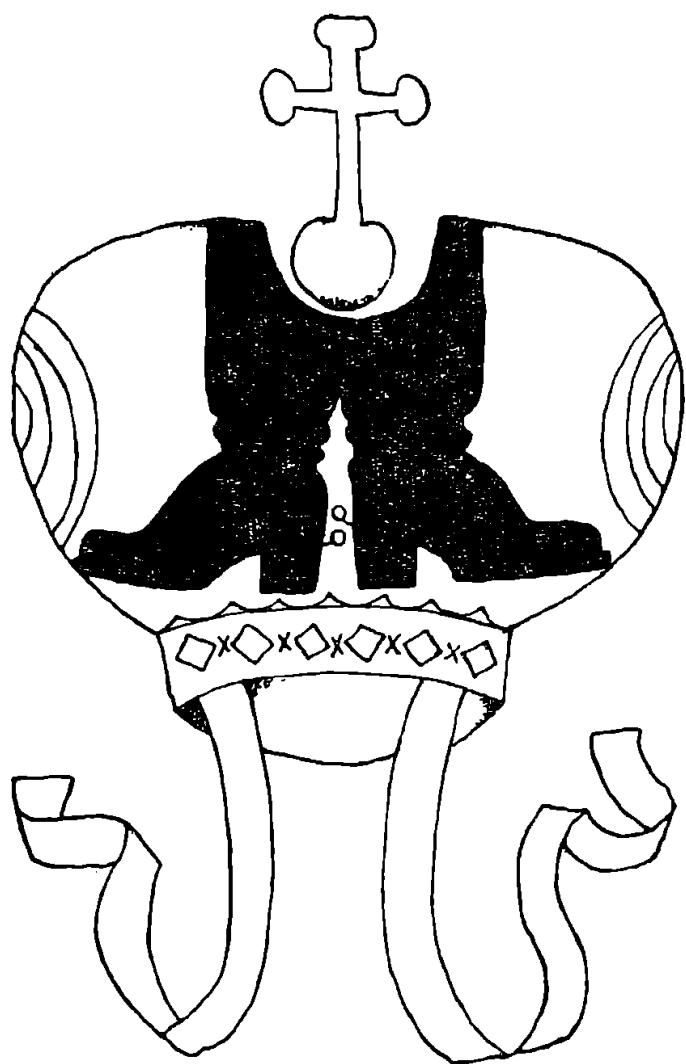

— Ну хорошо... гм... так... Расскажи еще, как Иисус Христос въезжал в Иерусалим?

Стриженный мальчик по фамилии Брусников почему-то «как» принимает за «на чем» и начинает быстро перебирать в уме всевозможное: корабль, лодка, волю, верблюды... велосипед (нет, нет, что за чушь!), тройка... лошадь. Во!.. Память услужливо подсовывает темную закоптелую роспись церковного свода. Там было изображено: простыни на земле, на простынях лежат цветы, вправо и влево — толпа, а в середине лошадь... Да, а за лошадью какая-то человеческая голова, за нею еще — это седок, наверное... Ах, так!..

Священник ждет, смотря на экзаменующегося сквозь желтые нависшие брови. И стриженный смело, решительно:

— Въезжал на извозчике!

Ему кажется, что эхо высокой классной комнаты повторяет за ним:

— На извозчике!

Желтые брови священника спокойно поворачиваются к двум людям с петличками на мундирах. Люди эти с полной серьезностью — на желтые брови, но вдруг губы у них вздрагивают... Священник, строго косясь на мундиры, поворачивает к стриженному лицо:

— Довольно!

Чувство свершенного, законченного дела приятно. Что бы ни было потом, но сейчас ты — свободен. Иерусалим, простыни плывут мимо...

Стриженный поворачивается. Перед ним — черные перенги парт, над партами веснушчатое, пугливое и тоже стриженое. Им еще надо отвечать о потопах, о чуде в Кане Галилейской, об Иерусалиме...

Мимо... мимо.

Экзаменационный лист, выписанный на имя Брусникова Михаила, хрустящ и красив, как новая ассигнация. Вертикальная колонка слов и рядом с ними рукописные зеленые цифры. Если наклонить лист к свету, то цифры загораются золотом, как спинки длинных жучков. Рядом с «Закон божий» выписана цифра «3». По другим предметам у стриженного лучше. Внизу постановление экзаменационной комиссии: «...принят в первый класс Т — го реального училища».

* * *

В губернском городе Т—е в 1912 году можно было встретить в ученической форме и маленьких мальчиков, и подростков, и юношей с поясами, на металлических пряжках которых были выдавлены буквы:

Т. К. Г. Т. Д. Г. Т. К. У. Т. Р. У.

* * *

В стороне от главной улицы, близ кремля, царствует Т.К.Г. Четырехэтажное здание Т—ой классической гимназии смотрит окнами через кремлевский сад, на реку. В бело-сером корпусе — крошечные квадратные окошки. Добротная толщина стен. Окна в этих стенах напоминают четырехгранную воронку: широкий край — внутрь, узкий — на улицу, на солнце. Солнцу не пролезть в воронку — солнце идет мимо.

Около трех часов дня распахиваются двери, и kloкочущий поток серых шинелей мчится через

гимназический двор на улицу. Старшие, у которых уже не ранцы, а одна-две книжонки за бортом шинели; старшие, у которых начищены штиблеты и франтовски надета смятая фуражка, выходят медленно, с независимым видом. Гимназическая мелкота с тяжелыми ранцами, в фуражках с громадными упругими верхами стремглав вылетает на улицу и нетерпеливо оглядывается. Здесь их уже ждут.

— Бей говядину! — оголтело и обрадованно кричат заждавшиеся ученики из городского четырехклассного училища.

— Лупи «городских»! — вопят гимназисты и бросаются в бой.

«Городские» одеты пестро, бедно, но легко: черные куртки, короткие поддевки, отцовское перешитое пальто. У гимназистов же — ватные длиннополые шинели, тяжелые ранцы. И бой идет недолго. С оторванными ранцами, с голубыми пятнами на лицах гимназисты привычно отступают.

Наверху главной Киевской улицы два высоких дома-близнеца. Оба белесо-желтые, с равномерными квадратами синих окон. Близнецы вежливо пропустили между собой Киевскую и стали друг против друга — строгие, неприступные. Ниже шумит устье главной улицы, за улицей — кремль, за кремлем — Заречье, дымит многотрубье заводов. Но дома-близнецы смотрят только друг на друга, молчаливо согласные между собой, довольные собой...

Правый — Дворянское благородное собрание, левый — Т-ая дворянская гимназия. На выгнутых пряжках этих гимназистов — гордое Т. Д. Г. Черные мундирчики, черные заглаженные брюки. На

гимназических же парадах, балах, актах — жесткие фанерообразные мундиры с красно-золотыми твердыми воротниками. Чтобы повернуть голову направо, надо все туловище повернуть направо...

Около трех к левому дому-близнецу спешат няньки, бонны. Черно-скромных малышей ведут за руку домой.

— Витечка, не обижали ли тебя сегодня в классе? Весь ли завтрак скушал?

Под мышкой у няни зажат Витин тяжелый ранец.

«Городские» не заглядывают в этот район. Разве только в буйные дни весны — когда душные классы и у «дворян» и у «городских» одинаково губельны — по дороге на гулянку в парке цветные рубашки «городских» задерживаются около Дворянской гимназии. Тогда на ситцевое и сатиновое пусто и заносчиво смотрят два молчаливо-согласных, неприступных близнеца. Когда открывается дверь гимназии, идет — черное, черное, черное. Наверху Киевской улицы хозяева — черные.

— Ребята! Кухаркины сыночки пришли, — выкрикивает черный бодро, по-хозяйски, — гони их в шею!

— А сколько вас на фунт сушеных дают? — с середины дороги дразнит ситцевое, гуляющее.

— А вот мы тебе сейчас дадим! — И трое, четверо, ободряемые черной толпой за спиной, выбегают на дорогу. — Крой городских кухарок!..

Цветные, ситцевые отбегают назад — дальше от черной толпы, от черных резервов, затем останавливаются и, перемигнувшись:

— Кроши маменькиных сынков!

— Вкалывай!!!

Бонны и няни, ведущие за руку черную мелкоту, негодующе:

— А еще дворяне, прости господи! Лезут к козюкам, к мастеровым... заразы всякой еще наберутся...

Коммерческое училище стоит на своей, на Коммерческой улице. Стоит давно и прочно. Желтые колонны потрескались, облупился карниз. Но жить этим колоннам тысячу лет, и тысячу лет нависать карнизу над колоннами. Прочно и крепко, как купеческая поступь. Около трех часов у подъезда — домашние тарантасы и дрожки. На тарантасах и дрожках грузные отцы с толстой кирпичной шеей. Из-под черного ватного картуза виден прямой жесткий волос.

Порой подкатит к училищу тонконогая отличная пролетка. Надутым синим мешком — кучер. За кучером на сиденье — великолепный отец. Выбритый, умытый, с солнечным бликом на блестящем котелке. Перстень. Не зная того, поймал солнце на перстень, играет им... Ждет сына — отдыхает между магазином и обедом.

Дверь настежь. От зеленых околышей учеников рябит в глазах. Вправо, влево — пешком в тихие домики Коммерческой улицы. Те, которые садятся на отцовские дрожки и тарантасы, — краснощекие увальни. Отец в миниатюре. И на дрожках два отца: один большой, другой — отец в юности. У молодого отца только зеленый околыш, мягче под фуражкой волос и на щеках светящийся пушок.

Тот, который садится в тонконогую отличную пролетку, — великолепный сын. Розовый, умытый,

с солнечными бликами на блестящих пуговицах. Не зная того, поймал солнце значком «Меркурия» на зеленом околыше и играет им. И в пролетке сидят опять два отца. И оба солидные, оба прилично-пухлые катят домой к обеду.

Дрожки дребезжат в далекое Заречье, пролетки мчатся в центр — на Посольскую, на Киевскую...

* * *

Первоклассники из Коммерческого училища, пересекая наискось улицу, поворачивают за угол. Мимоходом хватают на тротуаре маленького человечка в сине-зеленой шинели:

— Расстегивайся! Читай, что на пряжке написано.

— «Тру», — угасающим шепотом читает сине-зеленый.

— А что трешь?

Приготовишкино недоумение:

— Ничего...

— Ах, врать! То говоришь «трешь», а теперь нет! Что мне за это с тобой сделать?!

Малыш напыженно мигает глазами, словно придумывая себе наказание. Сзади грозные шаги. Зеленые околыши выпускают приготовишку. Голоса в спину:

— Купцы, очистить тротуар! Связался купец с младенцем!

Зеленые околыши коммерсантов шарахаются на дорогу. По тротуару бойко шагают сине-зеленые третьеклассники Реального училища. Приготовишка захлебывается радостью: свои сзади! Застегивает шинельку, бежит к краю тротуара — и через дорогу, давясь смелостью:

— А у тебя что написано?

С той стороны улицы молчаливые кулаки зеленых околышей.

— «Тку» у тебя написано! — выкрикивает малыш. — А что ткешь? Ничего! Ах, врать? Что мне за это с тобой сделать?!..

Реальное училище стоит на углу Коммерческой и Томилинской улиц. Каждая улица города — на ладошке: вот начало, вот конец. Томилинская же — необозрима. Начинаясь от Посольской крупными домами, улица долго и прямо бежит к вокзалу. Дома — как в обратный конец бинокля: меньше, меньше, меньше... Дома, домики, домишки и дальше — пыльная муть. Из мути далекое паровозное кукареку. В зимний прозрачный день паровозы кричат так звонко и весело, что кажется, будто они удрали с вокзала и бегут по Томилинской в город. Вот сейчас из невидимого конца улицы, распугивая домишки-цыплята, вылетит острогрудый колесный царь и вперед — дым, пар, свист, — вперед па Киевскую...

С необозримого конца Томилинской — посредственно дороги, где лежат рельсы, — движется крошечный ящик. Пятнадцать долгих минут, и ящик равняется с Реальным училищем. Конка. Перед конкой бегут две чахлые лошади. Туловища их тесно прижаты друг к другу, прижаты до мыльной пены, до пота — срослись будто. Головы разведены в стороны: одна лошадь круто смотрит налево, другая круто — направо. И кажется: перед конкой бежит одна жирная лошадь о двух головах.

В конке скупающие пассажиры — путешественники к центру города. Пыльный и безысходный взгляд в окно конки-ящика: доедем ли? Под ящи-

ком крутятся колесики, визгливые, хрупкие, словно от детской коляски: доедем ли?

Мимо. Конка повернула на Посольскую и скрылась. Томилинская дремлет.

Реальное училище смотрит на Томилинскую широкими окнами высокого актового зала. Это парадная часть здания. Если же повернуть за угол на Коммерческую, то там в три ряда, в три желтых этажа — классы, классы, классы. Если встать на низкий выступ стены и заглянуть в окна: над партами ежиковые головы пугливых и отчаянных приготи-вишек, первоклассников и второклассников.

У каждого этажа — своя жизнь.

В первом этаже — приготовительный, первые и вторые классы — основные и параллельные. Буйное племя стриженных, веснушчатых, курносых, с тяжелыми ранцами, со скрипом новых штиблет, с красной полоской на лбу от вчера купленной форменной фуражки. Буйное племя, вооруженное рогатками, хлебными шариками, жеваной бумагой.

Во втором этаже — среднее поколение: третьи, четвертые и пятые классы. Ломающиеся голоса. Первая расческа тайно и неуверенно елозит по голове. Ранцы у первых учеников, у остальных — стопка книг под мышкой. В книгах опально-проклятый Нат Пинкертон и нежный Иван Тургенев.

Третий этаж — венец училищной мудрости, подготовительный класс взрослого техника, инженера, чиновника, педагога; томительный канун будущих усов, штатского платья, жены и, конечно, замечательной, удивительной жизни. Третий этаж — шестой и седьмой классы...

У каждого этажа — своя жизнь. Начнем с первого...